

## **«МОСКОВСКОЕ СИДЕНИЕ» 1812 ГОДА: НАПОЛЕОН В ПЛЕНУ СЛУХОВ**

Наполеон непременно должен был покинуть Москву; он не собирался провести здесь зиму; зимовка армии в разоренной русской столице была невозможна! Этот вывод воспринимается сегодня как некая очевидность, не требующая особых доказательств. Действительно, большинство авторитетных авторов, как из числа участников событий, так и историков последующих поколений, кажется, однозначно доказали этот факт. Об этом писал в 1823 г. участник событий и военный историк Ж. Шамбре («Для Наполеона было очевидно, что зимовка в Москве невозможна»), чуть позже - генерал А.Б.Ж. Дедем де Гельдер («Провести зиму в Москве было делом невозможным вне зависимости от того, остались бы мы в Москве сожженной или не сожженной»), затем известный историк А. Тьер (он указывал на то, что армия на 6 месяцев была бы блокирована в двух сотнях лье от Вильно, в трех сотнях лье от Данцига, в семи сотнях лье от Парижа, да еще при сомнительных перспективах обеспечения себя продовольствием) и многие другие<sup>1</sup>. Нередко авторы, подтверждая очевидность этого факта, вспоминали о словах Наполеона, сказанных им в ответ на предложение министра государственного секретаря П. Дарю сделать из Москвы укрепленный лагерь, используя уцелевшие здания и пустив на засолку всех оставшихся лошадей. «Это львиный совет!» - воскликнул император, но здесь же, категорически отверг это предложение<sup>2</sup>.

Подобные настроения в пользу невозможности оставаться в Москве присутствовали также в письмах и дневниках чинов Великой армии. О нереальности зимовать в Москве, которая на % сгорела, писал из русской столицы 26 сентября капитан Пико, помощник начальника штаба инженеров Великой армии, своему коллеге Бержеру в Мемель<sup>3</sup>. 15 октября\* Л.Н. Плана де ла Фэ, адъютант командующего артиллерией Ж. А. Бастона де Ларибуазьера, адресуясь мадам Деплас («Жителей нет. Город сожжен. Мы должны будем покинуть Москву»)<sup>4</sup>. «Зимовка - это химера, так как нет фуража», - записал 12 октября 1812 г. в своем дневнике капитан 2-го полка пеших гренадеров гвардии Л.Ф. Фантен дез Одоард<sup>5</sup>. Указывал на невозможность зимовки армии в Москве и аббат А. Сюрюг, кюре церкви Св. Людовика в Москве. По его мнению, Москва могла бы предоставить ресурсы для зимовки, но после учиненных в ней грабежей эта возможность катастрофически сузилась, и голод армии был бы неизбежен; кроме того, самым уязвимым местом было обеспечение кавалерии фуражом; для поиска фуража кавалеристы вынуждены уходить за 30 и 40 верст от города, подвергая себя атакам партий казаков<sup>6</sup>. Это же подчеркивает и П.Ш. А. Бургознь, адъютант генерала А.Ф. Делаборда: император, собрав рапорты, понял невозможность провести в Москве зиму, так как продовольственных запасов и фуража было мало<sup>7</sup>. Еще более определенно и категорично говорил об этом участник кампании К. Клаузевиц, чей авторитет военного теоретика, подкрепленный личным участием в событиях, кажется, вообще не может оспариваться: «Наполеон не имел никакой возможности ни следовать за Кутузовым по направлению к Владимиру, если бы последний избрал его для отступления, ни зимовать в Москве. В любом случае он был вынужден идти назад, так как стратегически он был истощен и должен был использовать последние силы ослабевшего тела на то, чтобы дотащить назад». И далее: «Армия в 90 000 человек с истощенными людьми и окончательно заморенными лошадьми, загнанная острым клином на 120 миль в глубь России, имевшая справа неприятельскую армию в 110 000 человек и кругом себя вооруженный народ, армия, вынужденная строить фронт по всем сторонам света, не располагающая продовольственными складами и достаточным запасом снарядов и патронов, имеющая единственный путь сообщений, проходящий по совершенно опустошенной местности, не находится в условиях, допускающих расположение на зимних квартирах»<sup>8</sup>.

И все же. Были и иные мнения по поводу возможности зимовки Наполеона в русской столице. Прусский генерал Ф.Г.Л. Круземарк, сопровождавший министра иностранных

---

\* Все даты, кроме особо указанных, даны по новому стилю

дел Франции Ю.Б. Маре в Вильно, писал 8 октября Шёну (Schön), губернатору одной из прусских провинций, следующее: «Судя по приготовлениям, Наполеон не имеет намерения покинуть Москву, По слухам, по-видимому, обоснованным, он перенесет свою персону этой зимой в Вильно; но я расцениваю последнее утверждение как спорное. В настоящих обстоятельствах личное присутствие императора при самой армии абсолютно необходимо и не может подвергаться сомнению. И действительно, в Москве сконцентрированы значительные магазины с припасами. Согласно примерным подсчетам, обеспечение продовольствием достаточно для обеспечения [армии] на полгода»<sup>9</sup>. «Занимаемся приготовлениями к нашему пребыванию в Москве», - записал 30 сентября в дневнике казначей в администрации Главной квартиры армии Г.Ж.Р. Пейрюсс. И далее: «Стоит вопрос о приезде актеров из Парижа: так что похоже на то, что останемся в Москве»<sup>10</sup>. Ему вторит Л.Ф.Ж. Боссе, префект императорского двора: «Наполеона так сильно занимала идея провести зиму в Москве, что однажды во время завтрака он попросил меня представить список актеров Французского театра, которые могли бы приехать в Москву»<sup>11</sup>.

Эти приготовления многие (но далеко не все) участники событий, а также последующие авторы предпочитали объяснять простой демонстрацией, рассчитанной как на противника, так и на своих солдат. Об этом писали Сюрюг («Не располагая какими-либо ресурсами, Наполеон внушал своим солдатам, что его намерение - остаться на зимовку в Москве»<sup>12</sup>, А.Ж.Б.Ф. Бургонь, сержант полка фузилеров-гренадеров гвардии («Актерам было уплачено за 6 месяцев вперед, дабы убедить русских, что мы расположены провести зиму в Москве»)<sup>13</sup>, и др. По мнению Р.Э.Ф.Ж. Монтескье-Фезенсака, командира 4-го линейного полка, даже экспедиция 3-го армейского корпуса в Богородск имела целью ввести в заблуждение русских: дескать, зимовать будем в Москве<sup>14</sup>.

Наиболее авторитетным подтверждением этих объяснений является корреспонденция вице-короля Италии, командира 4-го армейского корпуса Е. Богарне. 21 сентября он написал жене: «Думают также, что русские согласятся на мир, когда увидят, что мы приняли положительное решение остаться в их стране»<sup>15</sup>. Он же 1 октября: «Много занимаемся тем, чтобы обустроиться и провести здесь зиму, но каждый надеется, что враг вдвое больше мечтает, чтобы мы возвратились к себе тотчас же, как наступит мир. <.. .> Император затребовал актеров из Парижа; от меня потребовал певцов из Милана.. .»<sup>16</sup>

Среди историков, которые спустя годы и десятилетия, а то и столетия пытались понять характер тех событий, только очень немногие высказали сомнения по поводу однозначности выводов на предмет ухода Наполеона из Москвы или зимовки в ней. Среди таких авторов был А.К. Дживелегов, чье мнение по поводу событий 1812 г. вряд ли могли считать авторитетным<sup>17</sup>.

И все же полагаем, что столь важный вопрос (собирался или не собирался Наполеон зимовать в Москве) не должен решаться путем поиска быстрого и однозначного ответа. В этом нас убеждают хотя бы мемуары обер-штабмейстера императора А.О.Л. Коленкура. «Через несколько дней после возвращения в Кремль, - пишет Коленкур, имея в виду возвращение Наполеона из Петровского, - император во всеуслышание заявил о том, что принял решение и расположит свои зимние квартиры в Москве, которая в том положении, которое сейчас существует, дает ему больше возможностей, больше ресурсов, больше средств, чем любая другая позиция»<sup>18</sup>. Далее: «Некоторые, в том числе и я, сомневались, что император действительно планирует провести зиму в Москве. Столь огромное расстояние между Польшей и нами давало врагу столь много возможностей беспокоить нас; тысяча соображений все еще приводилась против исполнения этого проекта. Между тем император занимался им с такой тщательностью и с такой детализацией, он говорил так убедительно и, казалось, оценивал его совершенно необходимым для успеха всего предприятия, особенно в плане добиться мира этой зимой, что самые недоверчивые были должны поверить. Обер-гофмаршал (Ж.К.М. Дюрок. - В. З.) и принц Невшательский (начальник Главного штаба Великой армии Л. А. Бертье. - В. З.) также убедились, по-видимому, что мы остаемся в Москве»<sup>19</sup>. Пытаясь понять поведение Наполеона, Коленкур отметил: «Он хотел все

еще верить в свою звезду и в то, что Россия, уставшая от войны, ухватится за любую возможность положить конец борьбе». «Великолепная погода, которая предопределила чудесную температуру, долго державшуюся в этом году, - все это внесло свой вклад в сей обман. Возможно также, что до того как возникли обстоятельства [в отношении тылов] и их атаки, он действительно думал, как это заявлялось, разместить свои зимние квартиры в России. В этом случае Москва, как он говорил, является по самому своему имени позицией политической, по числу своих зданий и по ресурсам, все еще существующим, - лучшая военная позиция из всех, которые имеются в России»<sup>20</sup>.

Примечательно, что поразительное упорство, проявленное императором в условиях приближавшейся зимы и при отсутствии каких-либо приготовлений к ее приходу, заставило и Коленкура, первоначально категорически не верившего в возможность обосноваться в русской столице, «сомневаться в добровольной эвакуации Москвы»<sup>21</sup>.

Что же заставляло императора столь долго оттягивать решение покинуть Москву? Более того, почему Наполеон столь длительное время вообще отказывался даже от приготовлений к отходу? Полагаем, что среди множества вполне очевидных факторов, таких как необходимость дать отдых солдатам, надежда на начало мирных переговоров с русскими, боязнь негативной политической реакции в случае быстрого отхода Великой армии из Москвы и других, вполне рациональных, немалую роль сыграли и обстоятельства, связанные со сферой бессознательного - с воображением, интуицией, культурными и мыслительными установками, прежним жизненным опытом тех и того (и не только тех и того), кто принимал ключевые решения. Важным звеном в попытках понять и оценить это является сфера слухов. Нельзя сказать, что данная проблема была совершенно обойдена вниманием исследователей. Об этом бегло писал в XIX в. талантливейший историк А.Н. Попов, упоминал в работе о деятельности разведок В.М. Безотосный, останавливался на подобном сюжете в отношении Юго-Западного театра военных действий львовский исследователь В.В. Ададуров<sup>22</sup>. Полагаем, что пришло время обратиться к этому аспекту более последовательно, в особенности в отношении периода «московского сидения» Наполеона.

Среди слухов, циркулировавших во время французской оккупации Москвы, можно выделить несколько категорий: 1. Слухи, целенаправленно распространявшиеся французским командованием. 2. Слухи, бессознательно рождавшиеся в среде Великой армии. 3. Слухи, происхождение которых приписывалось французам, но которые, по всей видимости, возникали в русской среде. 4. Слухи, транслировавшиеся из Великой армии в Европу и, наоборот, шедшие из Европы в Великую армию. 5. Собственно русские слухи, также оказывавшие воздействие на Наполеона и солдат его армии.

Рассмотрим эти категории по порядку, обращая внимание на их удивительную взаимосвязь и переплетение.

Начнем со слухов, целенаправленно распространявшихся французским командованием. Майор А. Шмидт, служивший в Великой армии, на вопросы московского главнокомандующего Ф.В. Ростопчина (через А.Я. Булгакова) о слухах, которые распространял Наполеон среди своих солдат, сказал так: «Чтобы поддержать дух своих солдат, Наполеон распространял разные ложные слухи, так например, что будто известие о заключении мира между Россией и Турцией не верно, что, напротив того, Порты не замедлит выставить против России сильную армию и сделает этим важную диверсию; что так как Испанская война приближается к концу, то, в случае, если Россия не согласится на мир, все силы будут направлены против нея одной; что будто в Майнце формируется новая резервная армия, под руководством старого маршала Келлермана»<sup>23</sup>.

Московский француз шевалье Ф. д'Изарн, оставшийся в Москве во все время оккупации ее Великой армией, писал так: «Тактика заставила Бонапарта уверять своих солдат, что он перезимует в Москве; приготовления, делаемые солдатами, убеждали его в том и жителей; надеялись, что все эти меры ускорят переговоры о мире, которого ожидали с нетерпением». И далее: «... был пущен слух, что Рига взята приступом, что Макдональд вошел в Петербург в самый день взятия Москвы и сжег его, что вся дорога от Вильны до Смоленска занята обозами, которые везут зимнее платье в армию, что маршал Виктор ведет значительные подкрепления, что к наступающей весне армия Бонапарте будет так же сильна и так же хорошо вооружена, как при вступлении в Россию; что можно положиться на предусмотрительность великого человека: он все

обдумал, он всегда имеет в запасе неожиданные средства; словом, если русские не заключат мира в эту зиму, то весной Бонапарте назначит герцога Смоленского и Петербургского, а Россия останется только в Азии. А покамест, армию русскую будут преследовать, бросят ее в Волгу, а потом дадут зимние квартиры»<sup>24</sup>. «с каждым днем являлись новые выдумки: то открывали магазины с запасом муки на целые шесть месяцев; то истребляли казачий отряд, препятствовавший сообщению с Можайском; то побивали главную армию»<sup>25</sup>.

Не раз распускался слух о том, что Наполеон готов выступить из Москвы и обрушиться на Кутузова. Особенно целенаправленно это делалось в последней декаде сентября, когда Наполеон хотел убедить неприятельскую армию, которая было остановилась у Красной Пахры, продолжить свой отход<sup>26</sup>.

Распускались слухи и о резком ухудшении для России позиции Турции и Швеции. Так, говорилось, что Турция собирается организовать против России военную диверсию, а шведы, шедшие было на помощь русским (именно такие разговоры ходили среди москвичей перед вступлением и в самом начале после вступления в город войск Наполеона; некоторые жители даже приняли входившие в столицу французские войска за шведские<sup>27</sup>), узнав об успехах Наполеона, якобы выступили на его стороне и овладели Петербургом. Был пущен слух и о том, что Александр I то ли уже скончался, то ли бежал в Казань<sup>28</sup>.

Франциска Амелунг, которая в 1811 г. прибыла из Гамбурга в Россию и жившая у своего зятя Тильгера в местечке Блохино в Калужской губернии, вспоминала позже, что в дни наполеоновской оккупации Москвы «надежные источники» сообщали о взятии французами Петербурга. Кроме того, получило хождение некое письмо на русском, французском и немецком языках, сообщавшее об отправке Наполеоном Александру I письма, в котором русскому монарху была великодушно предложена «императорская корона Сибири»<sup>29</sup>.

18 октября Наполеон лично приказал распустить слух о том, что он идет на Калугу, Тулу и Брянск в целях захвата находившихся там «военных мануфактур», но Москву не оставит<sup>30</sup>.

В первых числах октября стал усиленно распространяться слух (правда, не очень долгое время) о возможности отмены крепостного права. Была даже составлена на этот счет прокламация. Но, как отмечал Коленкур, «составление этой прокламации было только угрозой, и люди, знавшие императора, с самого начала не обманывались на этот счет»<sup>31</sup>.

Но в целом среди многообразных слухов, которые явно исходили от командования Великой армии, особенно целенаправленно циркулировали разговоры о готовности Наполеона провести зиму в Москве (среди прочих мер купцу 3-й гильдии П. Жданову, который был отправлен французами из Москвы в русский лагерь с разведывательными целями, особо было вменено «разглашать, что в Москве весь хлеб цел остался и не сторел» и «распустить слух, что зимовать хотим в Москве»)<sup>32</sup>. В концентрированном виде «официальные» слухи из Москвы оказались на страницах газеты «Курьер Литовский» (Kurjer Litewski). Газета регулярно сообщала о том, что солдаты Великой армии, расположившиеся в Москве, не терпят никакого недостатка «в хлебе, зелени, мясе, вине, водке, сахаре и кофе» и что «найденное большое количество тулупов и шуб»<sup>33</sup>. Этот мотив шел рефреном: «Французская армия размещена отлично: у всех солдат шубы. Магазины полны. Крестьяне возвращаются по домам. Каждую среду и воскресенье обширные рынки - мучной и охотный ряды - в изобилии наполняются всякими припасами и товарами»<sup>34</sup>. Писалось о нежелании мужиков идти в ополчение. «Они (мужики. - В. З.) рассказывают, - повествовала газета, - что их сгоняют, как стадо скота. Несмотря на все усилия воодушевить этих полуварваров, в них не удалось разбудить даже чувства патриотизма. Везде они бросают пики, которыми были вооружены, и просят позволить им разойтись по домам»<sup>35</sup>. Много говорилось об «истинных» пружинах московского пожара. Как и рекомендовало французское командование, вина возлагалась на сошедшего с ума Ростопчина, который мало того что выпустил для этой цели уголовников, но и сжег собственный дом, что «русская армия порицает сожжение столицы, а весь народ относится с презрением к исполнителям этого злодеяния»<sup>36</sup>. Подчеркивалась роль вековой вражды между азиатской Москвой и европейским Петербургом, подтолкнувшей к решению об

уничтожении первопрестольной столицы; при этом говорилось, что факт наличия казаков среди поджигателей неопровержимо свидетельствует о расколе среди русских подданных, ибо «особенная ненависть этого народа (казаков. - В. З.) к москвичам известна всем путешественникам»<sup>37</sup>.

Наконец, постоянной темой публикаций газеты были строки о чудесной погоде, установившейся в Москве: «Погода стоит отличная, воздух чист. Теперь здешние крестьяне говорят, что "сам Бог за императора Наполеона, потому что погода стоит такая хорошая, какой еще никогда не видано"»<sup>38</sup>.

Слухи, которые генерировала Великая армия, могли происходить не только от ее командования и распространялись отнюдь не всегда сознательно и целенаправленно. Слухи могли рождаться и сами собой - в простой армейской среде, частью под влиянием наполеоновской пропаганды, но частью и благодаря множеству других обстоятельств. Обратимся к письмам солдат, сержантов и офицеров, а иногда и генералов, написанным в Москве и отразившим, так сказать, в первоизданном виде слухи, ходившие и рождавшиеся среди них. Попытаемся расположить фрагменты из писем в той хронологической последовательности, в которой они были написаны.

15 октября, на следующий день после вхождения в Москву, главный хирург Великой армии Ж. Д. Ларрей пишет своей жене о том, что армия отправилась за город преследовать врага, «который бежит в направлении Азии»<sup>39</sup>. Жители Москвы, напишет он тремя днями позже, «ушли в пустыни подмосковья» по дороге на Казань, «где они, без сомнения, умрут от голода и нужды»<sup>40</sup>.

20 сентября лейтенант 25-го линейного полка Паради напишет: «Наш великий человек обещает нам скорое возвращение на родину; мы пламенно этого желаем...»<sup>41</sup>. Но в том же письме высказывает предположение, что проведет в московских казармах всю зиму<sup>42</sup>. Через два дня, 22-го сентября, шеф батальона 17-го линейного полка Барье напишет о том же: «Говорят, что, согласно всем вероятностям, мы проведем зиму здесь, или же ее большую часть, такую, какую можно будет обеспечить ресурсами этой страны»<sup>43</sup>.

Судя по всему, в начале 20-х чисел сентября, когда пожар утих и войска, отнюдь не в радужном настроении, возвращались на пепелище, радостные разговоры о мире и бодрые рассуждения о зимовке, а тем более о скором возвращении домой стали стихать. «Мы находимся в казарме в течение четырех дней, - писал 23 сентября П. Беснар, су-лейтенант 12-го линейного, - ни о чем не говорят, ни о мире, ни о войне»<sup>44</sup>. «Я думаю, - отписал в тот же день Витас, шеф батальона 30-го линейного, - что не стоит говорить о мире, но о войне; ничего не определилось, как только то, что мы в Москве и мы остаемся здесь в ожидании»<sup>45</sup>. В более минорной тональности, нежели несколько дней ранее, писал 26-го сентября Паради сыну Гектору: «. среди этого окружающего нас беспорядка мы будем принуждены провести зиму; по крайней мере, так было объявлено, ибо мы получили приказы подготовить запасы на все это время»<sup>46</sup>. «Говорят, что время больших морозов мы решили провести здесь», - сообщал 27 сентября К.Ж.И. ван Бёкоп, капитан 1-го полка тиральеров императорской гвардии, отцу. И далее: «Смутный слух о том, что мы пойдем на Украину»<sup>47</sup>.

В начале октября, особенно в связи с поездкой генерал-адъютанта Ж.А. Лористона в лагерь М.И. Кутузова, разговоры о мире возобновились с новой силой. «Переговоры о мире начались», - уверенно сообщает жене некто Жорж (по-видимому, кирасирский офицер, находившийся у Винково)<sup>48</sup>. В тот же день казначей Главной квартиры Пейрюсс сделал в дневнике следующую запись: «Слухи о мире, известные тем единственным, что они живо желаемы, переполняют наши сердца радостью, ласкают армию сладкой надеждой на то, что ей не нужно будет заботиться о припасах на два месяца. Это вновь подкрепилось перемирием, которое казаки заключили с королем Неаполя. Такая конвенция есть предзнаменование надежд на перемирие между двумя императорами. Более того, узнали, что генерал Лори-стон отправлен в главную квартиру князя Кутузова и что вследствие его беседы с этим главнокомандующим курьер направлен в Санкт-Петербург, чтобы решить вопрос о мире или о войне». В то же время, как бы комментируя идущие всюду разговоры о мире, Пейрюсс пишет: «Погода стоит все время восхитительная и это вносит импозантность в смотры, которые проводит его в-во. Но мир, по здравому размышлению, вне любых вероятностей. Невозможно представить, чтобы правительство, которое решилось на акт

преданности столь энергичный и дикий, как пожар Москвы, может или хочет уступить какому-либо решению, а не предпочтет быть погребенным под руинами Империи до того, как примирится с нами»<sup>49</sup>.

В тот же день Богарне напишет жене: «Я сообщаю тебе новость, которая, возможно, еще не такая важная [как хотелось бы], но все-таки утешит тебя, моя дорогая Августа. Лористон отправился в русскую армию и был там хорошо принят. Это все, что я могу тебе сказать; может быть, вопрос не стоит об обмене военнопленных, но все время много возникает такого, о чем надо начать говорить»<sup>50</sup>.

В последующие после 5-6 октября дни разговоры о мире подпитывались больше горячим желанием наконец-то достичь его, чем какими-либо реальными событиями. «Перемирие все еще продолжается, - писал 12 октября начальник штаба легкой кавалерийской дивизии 5-го армейского корпуса П. Дунин-Стжижевский жене, - но оно скорее есть результат договоренности между генералами, командующими аванпостами. Оно (перемирие. - В. З.) обещает нам то, чего мы с таким нетерпением желаем. Господь дает нам мир!» Однако последующие строки письма звучат не столь уж оптимистично: «Мы все находимся в неопределенном ожидании того, что может наступить неизвестно когда; надеемся на мир, не слишком уж полагаясь на такое счастье. Послан курьер в Петербург, чье возвращение должно принести интересные известия. Император принял все меры на случай отказа [неприятеля] от него, и заставит [принять мир], но все это может растянуться еще на некоторое время, так что не остается ничего другого, как положиться на Провидение, надеясь на его защиту, и предоставить событиям идти так, как они идут»<sup>51</sup>.

Л.К. Бомон де Карьер, командир 1-й бригады 2-й дивизии тяжелой кавалерии, коротавший время возле Винково и, очевидно, желавший мира еще сильнее, чем Дунин-Стжижевский, 14 октября написал жене так: «. вот уже 8 дней, как мы находимся без продвижения вперед на одной и той же позиции. Мы в связи с этим предполагаем, что существует договоренность о перемирии на 6 месяцев». «Мир, мой дорогой друг - вот самое большое благо, прихода которого мы ожидаем; если есть перемирие, то последует и мир. Я в этом не сомневаюсь; [ведь] мы этого все так желаем»<sup>52</sup>.

Однако в самой Москве чины Великой армии, пусть даже и не генералы, как Бомон де Карьер, а чиновники администрации, обладали более проверенной информацией. 14 октября некто Итасс (вероятно, чиновник из администрации Великой армии) написал кузине о том, что армия собирается «покинуть развалины Москвы для движения на Калугу». Одновременно он напишет директору императорских эстафет г-ну Колинкампу в г. Толочин: «Я полагаю, что мы окажемся в снегу по самый воротник, ибо снега уже порядком; лишь бы только мы не остались [здесь].» Далее он сообщил, что часть императорских экипажей уже двинулась по дороге на Калугу, но император и армия еще «в ожидании курьера, который отправлен в Петербург по поводу предложений о мире; если в нем будет отказано, Москва будет эвакуирована и все запасы, находящиеся в ней, будут уничтожены»<sup>53</sup>.

Между тем у Винково казаки продолжали внушать французам надежду на возможность мира. 15 октября А. де Ноай, адъютант Бертье, описал жене обстоятельства своей поездки к королю Неаполя И. Мюрату, командовавшему авангардом в Винково. Вместе с Неаполитанским королем они оказались рядом с казачьими ведетами, и Мюрат отправил к казакам польского офицера. Казаки стали уверять его в желании мира. «И мы тоже желаем мира», - произнес Мюрат. «Что нам делать в этой отвратительной стране! Мы все желаем возвратиться в Париж», - написал Ноай. Из письма следует, что после поездки к авангарду Ноай возвратился в Москву и представил отчет императору. Наполеон потребовал от него подробно описать все детали. При этом разговоре присутствовал Бертье<sup>54</sup>.

Письмо генерала Ж.Г. Маршана, командира 25-й пехотной (вюртембергской) дивизии, отправленное жене в тот же день, что и письмо Ноай, 15 октября, хорошо демонстрирует, сколь отрывочной информацией приходилось довольствоваться даже французскому генералитету: «Ответ на вопрос, когда мы выступим, зависит от обстоятельств, и ничего нельзя предусмотреть. Эти дни проходят в разговорах о начале переговоров, но нет ничего определенного. Известно, что генерал Лористон, который был послом в Санкт-Петербурге, уехал три или четыре дня назад на аванпосты, где он

имел беседу в течение двух часов с русским министром, имя которого я не назову (Лористон выезжал из Москвы к авангарду по крайней мере трижды, но вел переговоры с русскими только один раз - 5 октября; эта беседа была не с «русским министром», имени которого Маршан почему-то не называет, а с главнокомандующим Кутузовым. - В. З.). Но я не знаю ничего из того, что обсуждалось во время этой беседы. Было бы хорошо, если бы мир наступил как можно быстрее, ибо войны такого рода нельзя вести долго»<sup>55</sup>.

Откровенной иронией по поводу «определенности» перспектив окончания войны проникнуто письмо Жана Лавалья, майора итальянского 2-го конно-егерского полка Наследного принца. Майор язвительно замечает, что дома, вероятно, ждут описаний «наших чудесных успехов». «Вы желаете, - продолжает он далее, - чтобы они (т.е. успехи. - В. З.) принесли нам мир. и вы ожидаете уведомления об этом от императора. Глупцы хотят думать, что он в курсе этого вопроса и поэтому находятся в ожидании; все остальные (видимо, кроме императора. - В. З.) не имеют никакой идеи в отношении предстоящей зимы. Мы иронизируем»<sup>56</sup>.

Хотя уже 16 октября многие чины армии знали о скором выступлении на Калугу, но в отношении дальнейшего движения в головах царя полная неопределенность. «Говорят, - писал некто Э.Ф. Бурбон-Гравьер, по-видимому, чин администрации, занимавшийся устройством госпиталей в Можайске, господину де Сетту (Cette), послу Баварии в Париже, - что мы расположим наши зимние квартиры на Украине, в Венгрии, в Польше и в Литве. Армейские корпуса уже в дороге по нашему правому флангу для движения на Украину. Формируются три линии движения для армии: справа, слева и наша. Опустошается все, что на пути отступления, и весной война возобновится с других пунктов, ибо русские не хотят принять условия, которые от них требуют»<sup>57</sup>. «... покинем Москву, - писал начальник штаба 4-го армейского корпуса генерал А.Ш. Гийемино жене. - Предполагают, что идем на Калугу, Тулу и в Малороссию»<sup>58</sup>.

И вместе с тем все ждали, что в самый последний момент перед выступлением придет известие о долгожданном мире. 16 октября генерал Э. Груши, командир 3-го кавалерийского корпуса, писал жене: «Мы находимся в той же неопределенности, как я сообщал в последний раз; говорят, что завтра или послезавтра ожидается возвращение кн. Волконского, который должен был доставить в Петербург предварительные условия мира, предложенные Лористоном. Если, как я думаю, эти условия не дадут никакого результата, я думаю, что возобновятся большие операции и что с приближением суровой зимы не останется другого, как постараться отбросить подальше русских и освободить территорию, дабы иметь возможность обеспечить армию пропитанием»<sup>59</sup>.

В заключение обзора той «информационной среды», в которой оказались чины Великой армии, сделанного на основе их писем, процитируем послание капитана Соалья (Soalhat), служившего в Главном штабе инженерных войск, отправленное им Марии-Анне-Элизе, великой герцогине Тосканской, сестре Наполеона: «Невозможно знать, проведем ли мы зиму здесь. То говорится в пользу этого, то вскоре приходят приказы, которые им противоречат. Вскоре можно будет ехать на санях, тех самых, на которых мы можем ехать и в Санкт-Петербург, и в Казань, и в Калугу, и в Польшу. Но если мы поедem, то нас ждут жестокие страдания. Биваки очень суровы в этой стране в это время года. Много предположений, но многие безосновательны, и в отношении мира, и в отношении войны. <...> Генерал Лористон в течение нескольких дней ездил в русскую армию. Он очень долго беседовал с генералом Кутузовым, и во время беседы он очень красноречиво описал те меры, которые угрожали России, дабы русский генерал не сдерживал [желания] своей армии и проявил большую решимость к миру. При возвращении посланника было объявлено временное прекращение огня, которое в действительности не имеет места. Между тем говорят, что начальник Главного штаба армии едет к императору Александру, дабы принять предложения мира. Это детализирует то, что вам пишет наш император. "Несмотря на то плохое, что мне есть вспомнить, - было ему (вероятно, имеется в виду Бертье, которого Наполеон якобы отправляет к русскому императору. - В. З.) сказано, - я не забываю, что Александр был моим другом. я вижу с печалью зло, которое навлечено на его страну политической ошибкой тех, кто его окружает; я решил это прекратить. В сердце его государства, с

громадной армией, имея возможности получить подкрепление в 30 тыс. человек, уверенно побеждающий, в состоянии идти туда, куда я желаю, я ему предлагаю мир, но в последний раз. Он, наконец, император. В этом случае прелиминарии будут короткими, и мир длительным, etc." Вот то, что есть, но что я предполагаю воспринимать как возможное. < . > К примеру, определено, что все раненые эвакуируются в Польшу и что кадры полков отправлены во Францию; это то, что один воспринимает как мир, но другие - как войну»<sup>60</sup>.

Нет ничего удивительного в том, что в таких условиях, когда генералы вынуждены были только питаться отрывочными сведениями, происхождение которых было нередко весьма сомнительным, в простой солдатской среде рождались слухи совершенно фантастические, которые здесь же превращались в «великие проекты». Вот что поведал в своих воспоминаниях О. Тирион де Мец, маршал де логи (старший вахмистр) 2-го кирасирского полка, оказавшийся под Винково: «Целые дни проходили у нас в беседах, дававших широкое поле нашему воображению; делались всевозможные предположения, которые без конца варьировались, и я приведу таковых только два. Первое предположение было весьма правдоподобно: привыкшие к тому, что мир заключался сейчас же после того как выигранные сражения открывали нам двери столиц, мы не сомневались, что Император обсуждает в Москве условия мира - единственная причина, могущая задержать его победное шествие. Но, каковы же были эти условия мира? Каждый предлагал свои; многочисленные и разнообразные, все они сочинялись к чести нашей армии и Франции. Наиболее было распространено и наиболее правдоподобно предположение образования Польского королевства, но для этого была необходима соответствующая территориальная компенсация русского Императора. К этой территориальной компенсации совершенно естественно была пригодна Турция, не говоря уже о том, что вся Европа признавала, что уже с Императрицы Екатерины покорение Турции составляло непрестанное желание русских государей и что присоединение Турции увеличило бы их территорию, могущество и дало бы обладание Черным морем, создало бы Россию морской державой, открыв ей Средиземное море, Архипелаг и рынки Востока. И вот, по нашим дипломатическим соображениям, составленным на этих биваках, нам предстояли зимние квартиры в богатой и плодородной Украине, а весной союзная русско-французская армия уже двигалась бы на покорение Турции..»<sup>61</sup>

Впрочем, разговоры о планах движения Великой армии как в Турцию, так и в Индию были широко распространены не только в простой солдатской среде. 5 октября Э.В.Э.Б. Кастелян, адъютант генерал-адъютанта императора Л. Нарбонна, записал в своем дневнике: «Предполагается скорое выступление. Говорят о походе в Индию. Мы испытываем такое доверие, что не рассуждаем о возможностях успеха этого предприятия, но о количестве месяцев, необходимых для марша, о времени, за которое письма будут доходить до Франции. Мы привыкли к непогрешимости императора, к тому, что его проекты сбываются»<sup>62</sup>. Однако постепенно, как мы видели, слухи, рождавшиеся в атмосфере веры в императора и вселявшие уверенность в победу уступили место сомнениям и тягостным предчувствиям. «. после Смоленска, первого русского города после Польши и до Москвы, говорят, все пространство, по крайней мере, на 100 лье, выжжено сверху донизу. У меня было предчувствие в отношении неприятностей этой кампании.» - повествовал 16 октября некто Лами, чиновник, прикомандированный к институту военных комиссаров<sup>63</sup>. Дело доходило до того, что в армии стали циркулировать слухи не только о поражениях французских войск в Испании, но и о том, что Неаполь взят англичанами<sup>64</sup>.

Существовали слухи особого рода, происхождение которых традиционно приписывалось французам, но, по всей видимости, возникавшие все-таки в русской среде. В Отделе рукописей Государственного Исторического музея хранится «перевод» некоего письма, приписываемого французскому врачу Рокруа, которое было отправлено его другу врачу Грану. «Перевод» письма озаглавлен «О бегстве Наполеона из Москвы и прибытии французов к Смоленску» и датирован октябрём 1812 г. «Когда мы были в Москве, - писал адресант, - то я унимал надругаться над почитаемою русскими святостию. Они (солдаты Великой армии. - В. З.) рубили тела, руки, ноги, головы и прикладывали отрубленные свежие головы к телесам усопших! О варварство! Все сие доходило до императора, он смеялся. Но не однажды сказывал всем, что ему



сны бывают такие ужасные, и являются также страшные виды, от коих кажется и в гробе человек бывший содрогнулся бы. А одно важное приключение побудило его и бежать от Москвы, наполненной чудотворениями»<sup>65</sup>. В письме умалчивается, какое именно видение заставило Наполеона «бежать из Москвы». Но там описывается случай, заставивший Жерома Бонапарта еще ранее покинуть армию: «Иероним король Вестфальский первой испугал императора, будто: когда он в одну ночь осматривал пикеты и въехал в лес, увидел себя преследуемого партизанами русских, но эти русские все были старики белые, серые, и в черных плащах. Один из них догнав его сказал: "Ты не погибнешь при гробах наших, а брат твой не засыплется землею нас окружающею, ваша участь между железа и кремня взорвется и кончится". Что-то и еще говорил, чего он не сказывал никому, кроме императора»<sup>66</sup>.

Весьма интересна рожденная в те дни одна специфическая история, которая, хотя и появившаяся во французской среде, но впоследствии своеобразно интерпретированная русскими и получившая «новое развитие». «Пленные здесь рассказывали, - писал из Вологды 19 декабря (ст. ст.) 1812 г. О.А. Поздеев своему другу П.С. Лихонину, - что когда они были в Москве, будучи победителями, то всегда чувствовали какой-то страх и тем паче, когда кто из них всходил на колокольню Ивановскую, то к стороне Троицы Сергия видели великое ополчение; а потом к этой стороне не были они, даже и в Алексеевском, которое от Москвы только в пяти верстах, сами знаете. Какое же ополчение наводило этот страх? Известно это только тем, кои ведают о войсках при Елисее, который держащему при нем сказал: "Видишь ли, что большее число с нами, нежели с ними."»<sup>67</sup>. В дальнейшем в пересказе известной собирательницы воспоминаний о войне 1812 года Т. Толычевой (Е.В. Новосильцевой) эта история приобрела такой вид: «Как поселился Бонапарт в Кремле, так и думал добраться до сергиевой лавры, и вошел на колокольню Ивана Великого, чтоб посмотреть на Троицкую дорогу. Пуста была дорога, и развивалась пред ним что лента, и он узнал тотчас святую обитель. "Пойду туда, - говорит он вслух, - много там накоплено богатства, много серебра и золота и камней самоцветных, и все будет мое. Дорога открыта: Русский царь собрал в другое место свое войско, а здесь не стоит ни одного воина, не блестит ни одного штыка".

И вдруг, он видит, выходит из монастырских ворот седовласый старец в монашеской рясе и с крестом в руке. За ним идет несметное войско. Стало ему мало большой дороги, и покрыло оно все засеянные поля. А старец все идет впереди, и вдруг он поднял глаза и показал Бонапарту золотой крест. А Бонапарт так испугался, что чуть не слетел с Ивановской колокольни»<sup>68</sup>.

Показательным примером того, как первоначальные слухи в конечном итоге превращались в стойкую национальную историографическую традицию, является французская версия причин пожара Москвы. Вначале, еще до подхода французов к русской первопрестольной столице, в среде московских французов стали циркулировать слухи о намерениях Ростопчина сжечь Москву (впрочем, не столь уж беспочвенные). Командование Великой армии положило эту информацию в основу объяснения причин пожара Москвы и воспроизвело эту версию как единственно верную в бюллетенях. Это, в свою очередь, вызвало новые слухи среди чинов Великой армии, породив «убедительные свидетельства», закрепившиеся в мемуарной литературе. В итоге в исторической литературе Франции закрепилась стойкая традиция связывать пожар Москвы исключительно с деятельностью Ростопчина<sup>69</sup>.

Своего рода «четвертый блок» слухов, получивших распространение в период «московского сидения» Наполеона, составили слухи, шедшие из Великой армии в Европу и из Европы в Великую армию. Точное происхождение таких слухов вывить очень трудно, еще труднее понять их переплетение между собой и взаимовлияние. Так, известный информатор русской армии аптекарь Нордберг (Нордберий) сообщил следующее: «Некто из ганноверских офицеров сказывал, что 18-го числа (30 сентября по н. ст. - В. З.) неприятель получил депеши, что Париж взят соединенною армиею англичан и гишпанцев. Дай Бог, чтоб сие подтвердилось! Кажется, что оно достоверно, ибо неприятель идет не вперед, а поспешно назад»<sup>70</sup>. В данном случае мы явно имеем дело с «двойным слухом», или слухом о слухе, который, хотя и родился в Москве, но имел свои «корни», по-видимому, где-то в Европе. При этом «слух о слухе» почти сразу же начинал видоизменяться, обрастать новыми деталями и приобретать новую

интонацию. 25 ноября (ст. ст.) 1812 г. в Ярославле через «летучую почту» были получены сведения о «патриотическом поступке» «одного финляндца» (речь, несомненно, шла о Нордберге). Сообщалось, что он «познакомился с австрийскими офицерами» и узнал, «что французы получили известия 17 сентября, будто английские и гишпанские войска делают то же во Франции, что французы в России, и что даже заняли Париж, что может быть и не во всем правда, однако же, получа она сие известие, большею частию войска двинули из Москвы по Смоленской дороге. Наполеон с малым количеством оставался еще в Кремле на 18-е число»<sup>71</sup>.

В ту самую ночь на 23 октября, когда последние войска Наполеона покидали Москву, в Париже была проведена попытка государственного переворота. Организаторы переворота генерал К.Ф. Мале и его товарищи объявили о смерти Наполеона в Москве, которая якобы последовала 7 октября. Как оказалось, слух этот упал на благодатную почву, и Париж на полдня оказался в руках заговорщиков. Наполеон получил сообщение о заговоре 6 ноября, будучи уже в Смоленске. Судя по реакции императора на это известие, опасения, терзавшие его в Москве, по поводу положения дел в Париже и других европейских столицах, полностью подтверждались.

Интересный материал о настроениях в Париже дают послания Жозефа Фьефе, литератора, журналиста, издателя и критика, а главное -секретного информатора Наполеона. Он писал, что «невозможно выразить того оцепенения и ужаса, которые вызвало в Париже известие о пожаре Москвы. <...> Это одно из тех событий, последствия которого неисчислимы и которое открывается со все новых сторон по мере того как вдумываешься в него снова и снова»<sup>72</sup>. Наполеон не мог не предугадывать тех настроений, которые стали будоражить парижан сразу после известия о московском пожаре.

Не меньшее беспокойство должны были вызывать у Наполеона настроения и слухи, циркулировавшие в вассальных государствах. В свое время мы попытались на основе материалов К.И. Раткевича и С.Н. Искюля, работавших с документами «Вестфальского архива», набросать картину взаимодействия настроений и слухов в Вестфальском королевстве с теми реальными событиями, которые происходили летом и осенью 1812 г. в России<sup>73</sup>. Донесения различных чинов вестфальской полиции в 1812 г. свидетельствовали о том, что многие антифранцузски настроенные подданные Вестфальского королевства стали выражать надежду на провал русского похода. Если еще в 1811 г. они могли рассчитывать, что поднимется Пруссия, то после заключения ею союзного договора с Францией все надежды оказались связанными с поражением Наполеона в России.

Генеральный комиссар тайной полиции департамента Верра Вольф доносил, что население злорадно предрекало гибель Великой армии, «после чего все рухнет»<sup>74</sup>. Население упорно стало повторять баснословные цифры размеров войска, которое Россия будто бы готова выставить против Наполеона. Кое-где народная молва говорила о том, что руководители восстаний 1809 г. поступили на русскую службу и что среди них есть даже майор Шилль, о смерти которого стало известно 3 года тому назад! Еще не начались военные действия, а в мае 1812 г., согласно слухам, прусский генерал-лейтенант Г.Л. Блюхер уже перешел к русским с целым кавалерийским корпусом, а чуть позже, в начале июня, пополз слух, что русские намерены завлечь Великую армию вглубь страны и уже опустошили местность, по которой пойдет Наполеон. Самое поразительное, что слухи о генеральном сражении родились еще в феврале 1812 г.!<sup>75</sup> В департаменте Верра тогда стали упорно говорить о крупных сражениях, будто бы имевших место где-то на севере или на востоке и проигранных французами<sup>76</sup>.

Накануне и после начала военных действий в вестфальские города, местечки и деревни начали приходить многочисленные письма солдат, чаще всего недавно мобилизованных. Они вполне откровенно, нередко даже сгущая краски, надеясь на присылку из дома нескольких крейцеров или белья, описывали тяготы похода. Каждое такое письмо ходило по рукам. Его читали в харчевнях, на постоянных дворах, в гостиницах. «Теперь милые родители, - писал домой гренадер 3-го вестфальского линейного полка Фигнер, - расскажу как плохо справил я пасху и троицу, наверное, они были лучшими для самого бедного человека на земле, чем для меня и остальных: на троицу нам дали так мало еды, что хлеба мы получили едва 1 фунт на 3 дня. <.. > Так как мы не получали ни мяса ни овощей, то мы с голода 30 человек убили собаку и

потом собирали крапиву и сварили щи и потом натопили собачьего сала, а мясо этой большой собаки ели»<sup>77</sup>. «Мне сейчас очень тяжело, я так давно ничего не получал (жалованья. - В. З.). Угощения тоже нет, еды мало, так что приходится пропадать», - писал солдат Рункель 14 июля, уже на русской территории. «Теперь мы должны учиться терпеть голод и жажду. Наши лица совершенно изменились, стали коричневыми, как каштаны, а усы меня совершенно изменили»<sup>78</sup>, - написал он же через два дня.

Письма солдат как бы подтверждали те фантастические слухи, которые уже давно циркулировали на родине. В свою очередь, письма, получаемые из дома и наполненные сетованиями родных по поводу того, что происходит в России, еще больше угнетали солдат и заражали их теми настроениями, которые уже давно были распространены на родине.

В первых числах сентября, когда сообщения о Бородинском сражении еще просто не могли дойти до Вестфалии, в одной харчевне в Роттенбурге заезжий адвокат рассказывал о том, что «недавно происходил трехдневный бой, и армия Наполеона потерпела решительное поражение»<sup>79</sup>. К середине сентября уже стали говорить о том, что Наполеон тяжело ранен, а Мюрат убит. Когда наконец пришло официальное сообщение о Бородинском сражении как о решающей победе Великой армии, оно встретило бойкот и полное непонимание жителей Вестфалии<sup>80</sup>. Многие этому просто не верили! Человек слышал то, что хотел слышать.

В этих условиях широкое распространение в Европе получили слухи, рождавшиеся русскими. Так, Александр I, уверенный (или делавший вид, что уверен), будто Москву сожгли французы, написал шведскому наследному принцу Карлу-Юхану, что Наполеон «не нашел никаких сокровищ в Москве, которыми надеялся воспользоваться, ни мира, который надеялся подписать, и велел сжечь эту прекрасную столицу, представляющую теперь груды пепла и развалин»<sup>81</sup>. Карл-Юхан (как и Александр, то ли верящий в это, то ли делающий вид, что верит) немедленно начал это объяснение причин поджога Москвы распространять. Причем, как справедливо заметил А.Н. Попов, взрывы в Кремле, произведенные перед окончательным уходом французов, эту версию, казалось, полностью подтверждали<sup>82</sup>.

Большую роль в характере настроений Наполеона и его армии играли и собственно русские слухи. Атмосфера для их появления возникла еще до начала военных действий. Осенью 1811 г. на небосводе появилась знаменитая комета, «окруженная бесчисленным семейством звезд; почти прямо над головой расстилался по направлению к востоку лучистый хвост ее; предвестница великих событий, она оправдала народную веру к небесным знамениям.» - писал Н. М. Коншин, известный романист и историк, переживший эпопею 1812 года<sup>83</sup>. Но не только появление кометы предшествовало вторжению двенадцати языков. «1811 год, - отмечал М.И. Маракеев, бывший городской голова Ростова, оказавшийся в дни оккупации Москвы во Владимире, - замечателен был в Южной России великими бедствиями от пожаров: целые местечки и города превращались в пепел. Еще до вторжения неприятеля народный голос считал виновником сих бедствий Наполеона». И далее: «Тогда в народе всякое упражнение дел прекратилось. Только и занимались вестями и слухами; влияние местных начальств, особенно полицейского, крайне ослабло; народ волновался»<sup>84</sup>.

Уже к июлю 1812 г. вокруг Москвы стали ходить слухи об отмене крепостного права. Их распространителей Ростопчин приказывал брать «под караул тотчас, и узнав есть ли возможно от кого первого слух сей произошел доставить» к нему «через нарочного с описанием произошедшего»<sup>85</sup>.

К сентябрю 1812 г. атмосфера во многих губерниях накалилась до крайности. «А дворяне и мужики остужены рассеянием слухов, от времен Пугачева, о вольности, и все это поддерживалось голосами французскими и из русских, а ныне и паче французскими.» - писал из Вологды О. А. Поздеев С.С. Ланскому 19 сентября (ст. ст.) 1812 г. «... войска потеряли прежний дух, а французы распространяются всюду и проповедуют о вольности крестьян, то и ожидай всеобщего восстания.»<sup>86</sup> «Люди всех сословий» предаются «совершенной праздности и единственно толкуют по-своему о злодействах войны», - писал 11 сентября (ст. ст.) ярославский генерал-губернатор уездному начальнику г. Углича. И далее: «. в дворянстве, а наиболее в народе некий страх и самое даже смятение»<sup>87</sup>.

Но зловредные слухи, в особенности об успехах французского оружия, продолжали циркулировать даже тогда, когда неприятель уже оставил Москву. 13 февраля (ст. ст.) 1813 г. Ростопчин писал министру полиции А. Д. Балашову, что «до Казани уже дошли ложные известия, что Бонапарте к Святой неделе будет в Петербург и в Малороссию, что у него полмиллиона войска, что наших перерезали в Варшаве и что гонят опять назад»<sup>88</sup>.

Примечательно, что в генерации подобных слухов среди русских важную роль играла наполеоновская пропаганда. Так, упомянутый ранее Маракуев узнал о строительстве под Москвой воздушного шара из некоей «бумаги на французском и российском языках»<sup>89</sup>. Эта бумага была не чем иным, как наполеоновским извещением о суде над русскими «поджигателями», который состоялся 24 сентября в Москве! Конечно, параллельно в русской среде генерировались и «патриотические» слухи - о смерти Наполеона<sup>90</sup>, о взятии англичанами Мадрида и Неаполя («Мы получили, - записал 2 октября (ст. ст.) 1812 г. полковник С.Н. Марин, - официальное известие, что Мадрид занят англичанами, и что Иосиф Бонапарт бежит из Гишпани. Сие угрожает нашествием самой Франции.

Слух носится, что Неаполь взят, и что король туда прибыл»<sup>91</sup>), о заступничестве небесных сил и пр., и пр.

При этом слухи, рождавшиеся в российской среде, удивительным образом перемешивались с теми, которые исходили от французов. Интересное замечание в этой связи сделал еще А.Н. Попов: «Распуская неверные слухи, главный штаб Наполеона и сам он, в свою очередь, получали неверные сведения о положении русских войск»<sup>92</sup>. Очевидно, что такого рода «механика» слухов была связана, во многом, со сферой воображаемого, иллюзорного, специфичной не только для определенной национальной и социальной среды, но и для отдельного человека. Можно согласиться с В.М. Безотосным, который писал, что Наполеон «полностью находился в плену довоенных иллюзий, что после взятия столицы, царь и дворянство, стараясь избежать внутривнутриполитических осложнений, пойдут на заключение мира»<sup>93</sup>. Наполеон охотно поддавался обману, что весьма убедительно показали участники похода и известные мемуаристы Ф.П. Сегюр и Коленкур. Французский император, по-видимому, вполне искренне был уверен как в возможности быстрого начала мирных переговоров, так и в том, что русская Молдавская армия пойдет на соединение с Кутузовым. Его убежденность в этом была такова, что Бертье и Маре, несмотря на все предупреждения командующего Австрийским вспомогательным корпусом К.Ф. Шварценберга, некоторое время также разделяли это заблуждение<sup>94</sup>.

Еще более, чем их император, сами чины Великой армии были склонны предаваться всевозможным иллюзиям. В дальнейшем будет придумано множество историй о том, почему Наполеон и его армия были введены в заблуждение. Наибольшее распространение получают три сюжета.

Первая история, которую озвучил в своих воспоминаниях Боссе, была посвящена мифической миссии великого князя Константина Павловича, которого якобы отправил для переговоров с Наполеоном в Москву император Александр. Однако «русский генерал» указал Константину неверную дорогу, и тот, вместо того чтобы двигаться на юго-восток, поехал на северо-запад<sup>95</sup>.

Вторая история рассказывала о воображаемом перехвате французами столь же воображаемого письма от Кутузова к Александру I, в котором русский главнокомандующий склонял императора к мирным переговорам. В то же время «русский москвит» (Р. Солтык, офицер бюро разведки Главного штаба, который поведал эту сказку, под «русским москвитом» имел в виду Кутузова) написал своему суверену другое письмо, где предлагал отвергнуть все предложения о мире. Это последнее послание он отправил с надежным офицером окольными дорогами в С.-Петербург. Перехват французами подложного письма, составленного «хитрым москвитом», заставил Наполеона «продлить свое пребывание в Москве, пребывание, которое стало столь фатальным для его армии»<sup>96</sup>.

О третьей истории рассказал генерал Дедем. Московский француз д'Оррер<sup>97</sup>, которого взял под покровительство этот генерал, поведал, что был в дружбе с «фельдмаршалом Кутузовым» и это дало ему основания утверждать, что «заключение мира зависит не от императора Александра, а от армии». Дедем не преминул передать

слова д'Оррера графу Дарю, который в свою очередь сообщил об этом Наполеону. Это, по мнению Дедема, и предопределило отправку Ло-ристана с миссией к Кутузову<sup>98</sup>.

Полагаем, что подобных историй, рождавшихся в сентябре - октябре 1812 г. и обретавших законченный вид позднее, иногда через несколько лет, было великое множество.

Имеющиеся материалы убеждают нас в том, что в период «московского сидения» Наполеона нередко действовала следующая схема. Солдаты Великой армии спрашивали себя: почему император столь долго остается в Москве? Ответ напрашивался сам собой: император обсуждает условия мира!<sup>99</sup> Это, в свою очередь, порождало пересуды о конкретных условиях мира. А далее наполеоновская разведка, собирая подобные сведения, передавала их в штаб, и слухи, таким образом, становились не чем иным, как подтверждением тех иллюзий, которые питал Наполеон и командование Великой армии.

Очевидно, что только этим моментом не исчерпывалась та парадоксальная сфера воображения, которая рождала слухи, питала слухи и сама питалась этими слухами. В этом необъятном мире воображаемого происходило удивительное, часто необъяснимое сцепление того, что возникало среди русских, появлялось в Европе с последующим проникновением в среду наполеоновской армии, наконец генерировалось самой Великой армией, ее солдатами, генералитетом и даже императором. Полагаем, что без изучения этой проблемы «идиллического» вряд ли вообще возможно убедительно объяснить многие решения, принятые Наполеоном в 1812 г., в особенности в период его «московского пленения».

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> *Chambray G.* Histoire de l'expédition de Russie. P., 1838. Т. 2. P. 158; *Dedem de Gelder.* Mémoires du général Dedem de Gelder. P., 1900. P. 256; *Thiers A.* Histoire du Consulat et de l'Empire. P., 1856. Т. 14. P. 408.

<sup>2</sup> Об этом предложении Дарю Наполеон сообщил Нарбонну 15 октября 1812 г. (*Villemain A.F.* Souvenirs contemporains. P., 1854. Т. 1. P. 230).

<sup>3</sup> Российский государственный архив древних актов. Ф. 30. Д. 268. Л. 82. (Далее - РГАДА).

<sup>4</sup> Там же. Л. 137-138.

<sup>5</sup> *Fantin des Odoards L.F.* Journal. P., 1895. P. 340.

<sup>6</sup> *Surugue A.* Mil huit cent douze: Les Français à Moscou / Publ. par le R. P. Libercier. M., [1909]. P. 47.

<sup>7</sup> *Bourgogne A.J.B.F.* Mémoires du sergent Bourgogne. P., 1900. P. 123.

<sup>8</sup> *Клаузевиц К.* 1812 год. М., 1997. С. 88, 90.

<sup>9</sup> Ф.Г.Л. Круземарк - Шёну. Вильно, 8 октября 1812 г. // *Chuquet A.* Lettres de 1812. P., 1911. Sér. 1. P. 75.

<sup>10</sup> *Peyrusse G.J.* Mémorial et archives, 1809-1815. Carcassone, 1869. P. 108.

<sup>11</sup> [*Bausset L.F.J.*] Private anecdotes of Foreign Courts. L., 1827. Vol. 2. P. 313.

<sup>12</sup> *Surugue A.* Op. cit. P. 40; *Изарн Ф.*, де. Воспоминания московского жителя о пребывании французов в Москве в 1812 году // Рус. архив. 1900. № 11. Ст. 1428.

<sup>13</sup> *Bourgogne A.J.B.F.* Op. cit. P. 42.

<sup>14</sup> *Fezensac R.A.P.J.* Journal de la Campagne de Russie en 1812. P., 1850. P. 62.

<sup>15</sup> Богарне - жене. Лагерь под Москвой, 21 сентября 1812 г. // [*Du Casse A.*] Mémoires et correspondance politique et militaire du Prince Eugène. P., 1858 (1860). Т. 8. P. 50.

<sup>16</sup> Богарне - жене. Москва, 1 октября 1812 г. // Ibid. P. 57.

<sup>17</sup> *Дживелегов А.К.* Наполеон перед отступлением // Отечественная война и русское общество. М., 1911. Т. 4. С. 180-185.

<sup>18</sup> *Caulaincourt A.A.L.* Mémoires. P., 1933. Т.2. P. 22.

<sup>19</sup> Ibid. P. 24.

<sup>20</sup> Ibid. P. 25.

<sup>21</sup> Ibid. P. 26.

<sup>22</sup> См., напр.: *Попов А.Н.* Французы в Москве. М., 1876; *Безотосный В.М.* Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005. С. 127, 134; и др.; *Адагуров В.В.* Наступательная операция VII корпуса Великой армии на Волыни в стратегических планах французского командования (август - сентябрь 1812 г.) // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы: Материалы II междунар. науч. конф., посвящ. 195-летию Бородин. сражения. Бородино, 3-5 сентября 2007 г. / Бородинский гос. воен.-ист. музей-заповедник. Можайск, 2008. С. 202-203.

<sup>23</sup> Рус. архив. 1864. Ст. 825. С.А. Маслов, который во время оккупации столицы находился во Владимире, писал так: «Что же касается французов, то, для поддержания своего самолюбия, они беспрестанно рассеивали слухи, что Владимир взят, что Петербург в осаде, что им назначено зимовать в Москве, что их войско получило подкрепление, что русские просят мира и проч.» (Наполеон в России глазами русских. М., 2004. С. 14).

<sup>24</sup> *Изарн Ф. де.* Указ. соч. Ст. 1428-1429.

<sup>25</sup> Там же. Ст. 1431.

<sup>26</sup> См.: Бертье - Бессьеру. 27 сентября 1812 г. // *Fain A.J.F.* Manuscrit de 1812. P., 1827. Т.2. P. 185-189; *Попов А.Н.* Указ. соч. С. 115.

<sup>27</sup> *Histoire de la destruction de Moscou, en 1812 / Par A.F. de V.....ch.* P., 1822. P. 78; *Корбелецкий Ф.И.* Краткое повествование о вторжении французов в Москву... СПб., 1813. С. 46. Примеч. 18.

<sup>28</sup> *Попов А.Н.* Указ. соч. С. 135; *Корбелецкий Ф.И.* Указ. соч. С. 46. См. также анонимные воспоминания: Москва в 1812 году: Описание моего пребывания в Москве во время французов... // Рус. архив. 1896. Кн. 2. С. 532.

<sup>29</sup> *Familiennachrichten: Gesammelt und herausgegeben von Fr. Amelung.* Dorpat, 1890. Т. 3. S. 201. Благодарим Б.П. Миловидова за предоставленный текст воспоминаний Ф. Амелунг. См. также: *Рюсс Х.* Поход Наполеона в Россию 1812 года: немецкий взгляд из рос. провинции // Проблемы истории России: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2011. Вып. 9. С. 261-262.

<sup>30</sup> Наполеон - Бертье. Москва, 18 октября 1812 г. // *Napoléon I. Correspondance de Napoléon I.* P., 1868. Т. 24. № 19285. P. 272-273; *Fain A.J.F.* Op. cit. P. 208-210.

<sup>31</sup> *Caulaincourt A.A.L.* Op. cit. P. 80-81. См. также: *Изарн Ф. де.* Указ. соч. Ст. 1430; *Попов А.И.* Наполеон и крепостное право в России в 1812 году // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2001. С. 187-203.

<sup>32</sup> [*Жданов П.*] Памятник французам, или Приключения московского жителя П.Ж. СПб., 1813. С. 33-34.

<sup>33</sup> *Kurjer Litewski.* 1812. № 79. Вильна, 28 сентября 1812 г. // *Военский К.* Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года. СПб., 1909. Т. 1. С. 328.

<sup>34</sup> *Kurjer Litewski.* 1812. № 85. Вильна, 17 октября 1812 г. // Там же. С. 333.

<sup>35</sup> Там же. № 79. Москва, 21 сентября 1812 г. // Там же. С. 330.

<sup>36</sup> Там же. С. 332-333.

<sup>37</sup> Там же. С. 334.

<sup>38</sup> *Kurjer Litewski.* 1812. № 85. Вильна, 17 октября 1812 г. // Там же. С. 333.

<sup>39</sup> Ларрей - жене. Москва, 15 сентября 1812 г. // *Lettres inedites du baron Dominique Larrey à sa Femme pendant la Campagne de Russie* (Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 160. Ед. хр. 291. Л. 24).

<sup>40</sup> Там же. Москва, 18 сентября 1812 г. Л. 31.

<sup>41</sup> Паради - м-ль Бонграс. Москва, 20 сентября 1812 г. // РГАДА. Ф. 30. Д. 268. Л. 68; *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S.E.M. Goriainow.* P., 1913. P. 21.

<sup>42</sup> *Lettres interceptées...* P. 22.

<sup>43</sup> Барье - жене. Москва, 22 сентября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 33.

<sup>44</sup> П. Беснар - жене. Москва, 23 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 30.

<sup>45</sup> Витас - жене. Москва, 23 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 29.

<sup>46</sup> Паради - сыну. Москва, 26 сентября 1812 г. // *Ibid.* P. 24.

<sup>47</sup> Ван Боккоп - отцу. Москва, 27 сентября 1812 г. // РГАДА. Ф. 30. Д. 268. Л. 70-70об.; *Lettres interceptées...* P. 50.

<sup>48</sup> Жорж... - жене. На бивуаке, в 6 лье впереди Москвы, 6 октября 1812 г. // РГАДА. Ф. 30. Д. 267. Л. 25-26об.; *Lettres interceptées...* P. 64.

<sup>49</sup> *Peyrusse G.J.* Op. cit. P. 109.

<sup>50</sup> Богарне - жене. Москва, 6 октября 1812 г. // [*Du Casse A.J.*] Op. cit. P. 58.

<sup>51</sup> Дунин-Стжижевский - жене. Москва, 12 октября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 79-80.

<sup>52</sup> Л.К. Бомон де Карьер - жене. На бивуаке, перед Москвой, в 18 лье, 14 октября 1812 г. // РГАДА. Ф. 30. Д. 267. Л. 29-32об.; *Lettres interceptées...* P. 101-102.

<sup>53</sup> Итасс - кузине. Москва, 14 октября 1812 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1842. Л. 182-182об.; *Lettres interceptées...* P. 109; Итасс - г-ну Колинкампу. Москва, 14 октября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 102.

<sup>54</sup> А. де Ноай - жене. Москва, 15 октября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 118.

<sup>55</sup> Маршан - жене. Москва, 15 октября 1812 г. // РГАДА. Ф. 30. Д. 260. Л. 1-2об.; *Lettres interceptées...* P. 138.

<sup>56</sup> Ж. Лаваль - жене. Москва, 16 октября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 156.

<sup>57</sup> Бурбон-Гравьер - г-ну де Сетту. Можайск, 16 октября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 338.

<sup>58</sup> Генерал Гийемино - жене. Москва, 16 октября 1812 г. // *Ibid.* P. 340.

<sup>59</sup> Груши - жене. Москва, 16 октября 1812 г. // *Ibid.* P. 339.

- <sup>60</sup> Соалья - великой герцогине Тосканской. Москва, 13 октября 1812 г. // Ibid. P. 335.
- <sup>61</sup> *Меу Т., де.* Воспоминания офицера французского кирасирского № 2 полка о кампании 1812 года // Рейтар: Воен.-ист. журн. № 3 (3/2003). С. 113-114.
- <sup>62</sup> *Castellane E.V.E.B.* Journal. P., 1895. Т. 1. P. 165.
- <sup>63</sup> Лами - г-ну Буше. Москва, 16 октября 1812 г. // *Lettres interceptées...* P. 168.
- <sup>64</sup> Вильсон - лорду Кэткарту. Полотняный завод, 16(28) октября 1812 г. // *Вильсон Р.Т.* Дневник и письма. М., 1995. С. 202.
- <sup>65</sup> Перевод письма французского врача Рокруа его другу врачу Грану о бегстве Наполеона из Москвы и прибытии французов к Смоленску. [Октябрь 1812 г.] // ОПИ ГИМ. Ф. 160. № 197. Л. 15-18.
- <sup>66</sup> Там же.
- <sup>67</sup> О.А. Поздеев - П.С. Лихонину. Вологда, 19 декабря 1812 г. // Наполеон в России глазами русских. С. 126.
- <sup>68</sup> *Толычева Т. (Новосильцева Е.В.)* Рассказы о двенадцатом годе. 2-е изд. М., 1912. С. 112.
- <sup>69</sup> См.: *Земцов В.Н.* 1812 год: Пожар Москвы. М., 2010.
- <sup>70</sup> РА. 1864. Ст. 795.
- <sup>71</sup> ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 193. Л. 41-41об.
- <sup>72</sup> *Correspondance et relations de J. Fiévée avec Bonaparte (1802 à 1813).* P., 1836. P. 239-240.
- <sup>73</sup> *Земцов В.Н.* Великая армия в Бородинском сражении. М., 2008. С. 85-86.
- <sup>74</sup> *Раткевич К.И.* Война 1812 года и общественное мнение в Вестфальском королевстве // Учен. зап. ЛГУ Л., 1938. Т. 4. № 19. С. 125.
- <sup>75</sup> Там же. С. 126.
- <sup>76</sup> Там же. С. 127.
- <sup>77</sup> *Искюль С.Н.* Письма вестфальских солдат из России на родину в 1812 г. // Освободительное движение в России: Межвуз. науч. сб. Саратов, 1978. Вып. 7. С. 104-105. (Фигнер - родителям. 9 июня 1812 г.).
- <sup>78</sup> Рункель - матери. Неесвиц, 14 июля 1812 г. // Там же. С. 106.
- <sup>79</sup> Донесение генерального комиссара департамента Вера. 9 сентября 1812 г. // *Раткевич К.И.* Указ. соч. С. 128.
- <sup>80</sup> Там же. С. 129. Наше собственное беглое знакомство с «Вестфальским архивом» также позволило выявить ряд интересных документов: доклад королю Жерому начальника тайной полиции и жандармерии Бонгара о появлении в конце июля - начале августа 1812 г. на дверях одной из церквей Ганновера прокламации о поражении французов в России; секретную записку о разговоре, имевшем место 8 октября 1812 г. между табачным фабрикантом Лорбеком и служащим военного министерства Вестфалии Зенинком о неудачах французских войск в России и Испании; донесение жандарма Исендаля от 16 октября 1812 г. об антифранцузских настроениях ганноверского населения и разговорах «среди купцов про битву под Москвой», а также о предстоящей гибели французской армии (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 993. Архив Вестфальского королевства. № 455. Л. 705-706; № 902. Л. 1; № 897. Л. 1-2).
- <sup>81</sup> Цит. по: *Попов А.Н.* Указ. соч. С. 92-93.
- <sup>82</sup> Там же.
- <sup>83</sup> *Коншин Николай.* Граф Обоянский, или Смоленск в 1812 году // Тристаринных романа. М., 1990. Кн. 2. С. 336.
- <sup>84</sup> Записки М.И. Маракуева // Наполеон в России глазами русских. С. 28, 36.
- <sup>85</sup> Предписание Ростопчина звенигородскому предводителю дворянства о борьбе с ложными слухами об отмене крепостного права. 20 июля (ст. ст.) 1812 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 193. Л. 18-18об.
- <sup>86</sup> Наполеон в России глазами русских. С. 119-120.
- <sup>87</sup> Распоряжение ярославского генерал-губернатора уездному начальнику г. Углича о распространении слухов среди населения в связи с приближением французских войск. [Ярославль], 11 сентября (ст. ст.) 1812 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 193. Л. 33-34.
- <sup>88</sup> Ростопчин - Балашову. [Москва], 13 февраля (ст. ст.) 1813 г. // *Дубровин Н.Ф.* Отечественная война. М., 2006. № 340. С. 434.
- <sup>89</sup> Записки М.И. Маракуева. С. 36.
- <sup>90</sup> См., напр.: А. Шишков - Ростопчину. С.-Петербург, 27 ноября (ст. ст.) 1812 г. // *Дубровин Н.Ф.* Указ. соч. № 275. С. 362.
- <sup>91</sup> Воспоминания полковника С. Марина об отступлении русских войск из Москвы. 2 октября (ст. ст.) 1812 г. // ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 109. Л. 38-39.
- <sup>92</sup> *Попов А.Н.* Указ. соч. С. 135.
- <sup>93</sup> *Безотосный В.М.* Указ. соч. С. 127.
- <sup>94</sup> Важно отметить, что Наполеон в какой-то мере был прав. Как известно, Кутузов действительно отправил адмиралу П.В. Чичагову приказ идти на соединение с главными силами, однако Александр I принял иное решение.

<sup>95</sup> [Bausset] Op. cit. P. 309-310. Сам Боссе уверял, что прочел об этой истории в некоей немецкой газете, но из его собственных комментариев следовало, что история эта вполне соотносилась с теми настроениями и теми сказками, которые циркулировали в дни «московского сидения» среди французов.

<sup>96</sup> Soltyk R. Napoléon en 1812: Mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie. P., 1836; P. 332. Солтык, подобно Боссе, счел необходимым упомянуть, что эти «детали» он узнал через 12 лет после «московской кампании».

<sup>97</sup> О д'Оррерах пишет и шевалье д'Изарн, подтверждая, что это семейство взял под свое покровительство «какой-то голландский генерал», т.е. Дед (*Изарн Ф., де*. Указ. соч. Ст. 1422; Рус. архив. 1869. XII. Ст. 2021-2023; [*Ysarn de Villefort F.J.D.*] Relation du séjour des Français a Moscou et de l'incendie de cette ville en 1812.../Publ. par A. Gadaruel. Bruxelles, 1871. P. 67. Note "O"

<sup>98</sup> *Dedem de Gelder*. Op. cit. P. 262-263. По словам Дедема, д'Оррер, узнав об этой миссии, заявил, что переговоры не могут ни к чему привести, так как Лористон был отправлен с письмом не на имя Кутузова, а на имя Александра.

<sup>99</sup> Весьма красноречия в этом отношении запись в дневнике Ф.В. Лосберга, командира батальона 3-го полка вестфальской линейной пехоты, от 6-9 октября 1812 г.: «Только предположение, что Александр склонится к миру, могло заставить Наполеона так долго оставаться в Москве. Вот почему армия питает твердую надежду на то, что мир будет заключен» (*Лосберг Ф.В.* Письма вестфальского офицера. М., 2003. С. 66).